

испробовать на «авось» и «это» средство. В сложном вопросе религиозных настроений Тургенева приведенные молитвы могут рассматриваться, как лишний штрих для уяснения того кратковременного момента, когда для Тургенева мысль о конце жизни связывалась с «обращением к Богу», когда в творческом пути Лаврецкий становился интимно близким, авто-портретным.

Из трех неизвестных до сего дня стихотворений Дельвига одно — «Фани. Горацианская ода» — неожиданно раскрыла загадочную третью строфу IV главы «Евгения Онегина»:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета,
Как сон, забыты мной давно.

Оказывается, Пушкин чуть-чуть перефразировал стихи Дельвига, ставшие в применении к нему пророческими:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Среди писем А. Чехова к Я. Полонскому обращают внимание строки, посвященные работе над повестью «Степь» в авторской оценке, а также указания на попытку писать «во вкусе Альбова».

Не указываем на ценность примечаний к опубликованным материалам сотрудников Пушкинского Дома, — они поистине образцовы. Временами, впрочем, «объяснения» разрастаются до небольших монографических этюдов, совершенно затеняющих тот отрывок, который послужил поводом для комментария. Стихотворная шутка Лермонтова, где встречается фамилия Углицкой, вставлена в такую раму родословных справок о ее родственниках и подругах по Смольному институту, что когда читаешь у исследователя: «об отношениях А. А. Углицкой-Альбрехт собственно к Лермонтову нам ничего неизвестно», невольно задумаешься над целесообразностью введения в «радужные» альманахи такого типа комментария.

Н. Бродский.

С. Я. НАДСОН и графиня ЛИДА. Петербург. Стр. 136.

Не случайно на этой книге не проставлен год издания. Напечатана она была 35 лет тому назад, а сброшюрована и выпущена в свет в 1921 году. Странная судьба ее объясняется тем, что до выхода ее в свет раскрылись некоторые обстоятельства, дающие материал для иронических и злобствующих фельетонов постоянно травившему Надсона В. П. Буренину, и выход книги был задержан друзьями покойного поэта. Обстоятельства эти таковы: неизвестная поклонница Надсона, переписка с которой составляет эту книгу, оказалась, по некоторым сведениям, не графиней, богатой аристократкой, как она рекомендовала себя, а весьма скромной женой скромного чиновника, не блиставшей ни происхождением, ни богатством.

Книга эта в свое время встречена была бы с громадным интересом. Но часть своего интереса она сохранила и до наших дней, отодвинувших далеко назад внимание и к поэзии, и к личности Надсона.

Как известно, Надсон в последние годы пользовался необычайной популярностью и любовью в среде либерально настроенной молодежи.

Результатом этого было большое количество писем, которое он получал от неизвестных поклонников и поклонниц. За несколько месяцев до смерти Надсон получил письмо от неизвестной адресатки, рекомендовавшей себя «взбалмошной бабенкой» и пришедшей в восхищение, как от его стихов, так и от его... портрета. Романически настроенный поэт ответил на письмо и завязалась переписка, длившаяся до самой смерти поэта. Незнакомка становится все развязнее, посвящает поэта в свою семейную, материальную, светскую жизнь. Надсон сперва подозревает мистификацию, у него «невольно зарождается мысль о насмешке», потом он пытается свести переписку и восторги графини на шутку; однако дружеский и искренний тон писем покоряет его, и он сам становится откровеннее и теплее. Впрочем, он остается при убеждении, что письма графини «не так просты, как это может

показаться с первого раза: в каждом из них есть всегда какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указывать в чем именно: это тонко, как паутина» (стр. 81).

Трудно в нескольких словах изложить содержание этой переписки, не имеющей определенного стержня и касающейся самых разных вопросов и тем. К интереснейшим местам относятся те, в которых поднимается вопрос о различии общественного положения того и другого корреспондента. «Вы,—пишет Надсон,— графиня, аристократка, и проч. и проч., а я — плебей; неужели же мне льстит идея именно поэтому дорожить нашими письменными отношениями? Как знать? Человеческая натура — вещь сложная; Бог ведь какие мелкие чувства шевелятся иногда против воли в нашей душе» (стр. 76). Надсон защищает класс «косматых» литераторов и юношей, окружающих их; графиня Лида говорит о достоинствах высшей аристократии, к которой Надсон относится более, чем равнодушно. В ответ на сведения о ряде великосветских особ поэт холодно и раздражительно отвечает: «Мое ухо более привыкло к именам Островского, Салтыкова, Тургенева и пр., и пр.», (стр. 78).

В общем переписка дает не мало материала для биографии и характеристики личности Надсона. В этом, разумеется, ее основная ценность. Нельзя, однако, не отметить и того, что сама по себе она представляет небезынтересный роман в письмах. Лишенный внешней фабулы, он богат, однако, психологическими перипетиями, дающими ему поступательное движение. Естественная развязка — смерть поэта — и маленький эпилог: отрывки из писем графини Лиды по поводу смерти поэта сообщают ему художественную законченность.

Д. Выгодский.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Поэты и поэтессы. К-во «Северные дни». М. 1922. 2000 экз. Стр. 96.

И терпентин на что-нибудь полезен... Айхенвальд существует для того, чтобы людям окончательно необразованным и глупым простоудушно докладывать, что вот-де он читал такую-то и такую-то книжку и — разрешите я вам доложу, что

вы, ходячая посредственность и голова, с трудом ориентирующаяся в четырех правилах арифметики, можете в этой, как говорят понимающие люди, умной книжке понять. И докладывает, вежливо-велью так, сладенько: толпы баранов слушают его. Однако нам чистый расчет, чтобы и баран чему-нибудь учился, — наверное он от книжки Айхенвальда уходит с чувством некоторого небесного просветления и чистой благодати, излившейся на его почтенное руно. Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: «Скончался Блок — на лире современной поэзии оборвалась одна из ее певучих и драгоценных струн... Пытаясь сказать неслезанное, он тклет паутинные сплетения лирики... очень трогательны, например, его стихи о маме... радость и страдание могут сочетаться воедино... присущее его поэзии легкое дыхание... и кажется, что обители лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно». Гумилев: «Он в самом деле акмеист... романтик, борющийся за голубую лилию... принадлежит ему вся красота консерватизма... наш утонченный воин, наш холерный боец... он аристократ и гордый носитель самоуважения... Ахматова: «явила образ женской души... так задушевно и проникновенны ее интонации... это пленительно». Еще глава, но та совсем уж о М. Шагинян. Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову. Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем.

С. Бобров.

Н. К. ПИКСАНОВ. Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции. Гос. Изд. Москва 1922 г.

Вопрос о литературных влияниях принадлежит к числу вопросов, наименее ясных и разработанных в науке. Иногда самая законность постановки вопроса о влиянии одного автора на другого может возбудить сомнения. Ведь художе-